

Глава 3

Из-за края гроба из красного дерева высунулась взлохмаченная голова.

— Это ещё что такое? — заорал во всю глотку Шитоу. — Господин Сюй! Господин Сюй!

— Кончай орать, отец ушёл в Храм Небесного Божества, — молодой господин Сюй, чьё имя было Чжэнсюань, а вежливое имя — Хунвэнь, одной рукой лениво протирает висящий на поясе дао, а другой с грохотом сдвинул крышку гроба. — Прыгай внутрь!

Шитоу вскочил на крышку и, согнувшись в три погибели, с любопытством заглянул внутрь:

— Храм и так забит до отказа этими выскочками из школы Улин. Зачем он туда поёрся? Ему что, дышать этой вонью в радость?

— Не твоего ума дело, — Сюй Чжэнсюань наградил его свирепым взглядом и без лишних слов толкнул локтем.

Шитоу с глухим стуком шмякнулся на дно гроба, взметнув облако вековой пыли.

— Отдыхай давай, — буркнул молодой человек.

Молодой наследник Сюй только-только справил двадцатилетие. Поговаривали, что в боевом искусстве инь-гун он преуспел: под плотно прилегающим дорожным костюмом угадывались налитые силой мышцы и крепкий, подтянутый стан. Портило грозный вид лишь круглое детское личико — миловидное и совсем ещё не знавшее жизни.

Шитоу так и прыснул. Забавы ради, улучив момент, когда юноша наклонился закрыть крышку, он молниеносно ущипнул его за нежную белую щёку. На коже тут же расплылись пять грязных масляных отпечатков, от которых откровенно разило варёной свиной рулькой.

Взбешённый Сюй Чжэнсюань выхватил ножны и наотмашь перетянул Шитоу по физиономии.

Шитоу расторопно прикрылся первой попавшейся под руку мягкой вещью и заголосил:

— Ах ты паршивец! Разве так пристало обращаться с родной тётушкой?!

— Какая ещё, к чертям, тётушка?! — ледяным тоном процедил Сюй Чжэнсюань. — Будешь и дальше пороть чушь — язык отрежу!

— Самая что ни на есть настоящая! Я твоему папаше постель грею, а значит, тебе прихожусь...

— Шитоу осёкся на полуслове. Он опустил взгляд на мягкий свёрток, который держал перед собой, оцепенел на пару мгновений, а затем истошно, не своим голосом взвыл: — Твою же мать!.. Да тут труп!!!

Сюй Чжэнсюань лишь закатил глаза.

— Тётушка Ши, дорогая моя, а ты как думала? Что ещё, по-войски, должно лежать в гробу?

— И ты хочешь, чтобы я спал в обнимку со жмуриком?! — взбунтовался Шитоу.

Юноша молча кивнул и легонько постучал костяшками пальцев по руке Шитоу, державшейся за край:

— Убери грабли, я закрываю.

— Сюань-эр, — Шитоу состроил плаксивую гримасу, в его глазах даже блеснули фальшивые слёзы. — Тётушке страшно.

— Руки убери.

Но Шитоу и не думал сдаваться. Покрепче вцепившись в чужой рукав, он запричитал пуще прежнего:

— Сюань-эр, я ведь чистый, невинный девственник! Я даже твоему отцу ещё тела своего не отдал, а ты меня подкладываешь под этого хладного покойника...

— Тебя разве не сам Бессмертный владыка Улин домогался? — вкрадчиво напомнил Сюй Чжэнсюань. — Послушай меня, тётушка Ши. Небожители больше всего на свете брезгают скверной и нечистотами. Полежишь рядышком с мертвецом — глядишь, в следующий раз грозный бог трижды пройдёт мимо твоих священных ягодиц, да так и не решится войти.

Шитоу лишился дара речи.

Они смерили друг друга взглядами. В конце концов «тётушка Ши», мысленно расставив приоритеты между верностью несуществующему мужу и спасением собственной шкуры, стиснул зубы. Принеся целомудрие в жертву обстоятельствам, он одеревенел и покорно растянулся на дне рядом с мертвецом.

Сюй Чжэнсюань проявил заботу — приподнял окоченевшую руку покойного и услужливо обвил её вокруг талии Шитоу.

Шитоу скосил глаза на скрюченную, уродливую ладонь мертвеца, судорожно втянул живот и изо всех сил постарался сжаться в комок, лишь бы не соприкоснуться с мёртвой плотью. Но спустя мгновение он резко распахнул веки и испуганно прошептал:

— Драгоценный мой Сюань-эр, ты точно уверен, что этот груз принадлежит школе Цаншань?

— Я самолично проверял содержимое несколько раз. Ошибки быть не может.

— Но почему тогда я чую... эту приторную, тошнотворную вонь персикового цвета? — зубы Шитоу выбивали дробь от ужаса. — Прямо... прямо от этой падали несёт!

— Чушь тебе чудится, — отмахнулся Сюй Чжэнсюань и с глухим стуком захлопнул тяжёлую крышку гроба.

— Вы-ез-жа-а-ем!

Зычно пропел старший сопровождающий. Караван, окружив плотным кольцом несколько массивных сундуков, не спеша покинул ворота агентства сопровождения Сюй.

Ради маскировки гроб, в котором томился Шитоу, запрятали внутрь невзрачного деревянного сундука, выкрашенного зелёным лаком. Рядом везли ещё два точно таких же ларя — в них для отвода глаз насыпали немного монет и утвари. Сопровождающие тащили ношу на руках, то и дело сменяя друг друга на случай внезапного налёта разбойников.

Шитоу, поначалу трясшийся от страха, под размеренное покачивание понемногу успокоился. Освоившись в своём укрытии, он закинул ногу на ногу, принялся бездельничать и от скуки разглядывать соседа-тихоню, напевая под нос незамысловатый мотивчик:

— Спишь ты у восточной стенки, милый мой мертвец, а я у западной лежу... Век пройдёт, и в новой жизни вместе мы пойдём под венец... Спишь у восточной стенки, а я у западной...

На полуслове он осёкся. Ткнув пальцем в пятидюймовую доску из красного дерева, словно в нежный соевый творог, он проковырял аккуратную круглую дырочку и заорал несущим сундук наёмникам:

— Эй, любезные! Почему мы движемся на восток?!

— Молодой хозяин велел сначала завернуть к Храму Небесного Божества, — отозвался один из мужчин. — Надо принести жертвы и испросить благословения на лёгкую дорогу.

Лицо Шитоу вмиг перекосило от злости. Прильнув глазом к отверстию, он уставился в спину Сюй Чжэнсюаню. Тот вальяжно покачивался в седле статного коня впереди кавалькады. В руке

юноша держал бронзовое зеркальце, яростно пытаясь оттереть с щеки жирные пятна. Почувствовав на себе ядовитый взгляд, Хунвэнь обернулся и с видом истинного триумфатора беззвучно одними губами изобразил: «Терпи».

Шитоу аж зубами закрипел от бессильной ярости, но всё, что ему оставалось — это извиваться ужом на тесном дне гроба.

Когда они приблизились к храмовым землям, разбушевавшийся «тётушка Ши» притих и больше не смел даже шелохнуться.

У самых ворот Храма Небесного Божества воздух был настолько перенасыщен благовониями, что от клубов сизого дыма мгновенно разболелась голова. Миновав величественную арку-пайлоу, караван выехал на просторную площадь. Вокруг четырёх больших прудов с лотосами перед главным залом теснились толпы отроков и юношей. Под руководством нескольких совершенствующихся они сидели со скрещенными ногами прямо на земле, проходя проверку на чистоту духовных костей.

Шитоу прищурился и сквозь щель принялся пристально разглядывать чужие одежды. К его облегчению, на мантиях красовались лишь изящные вышивки белых журавлей в стиле гохуа. Никаких иероглифов «У», никаких расписных вееров, а главное — ни единого намёка на проклятый аромат персика. Он наконец-то выдохнул.

Сопровождающие сгрузили сундуки и повозку с гробом на заднем дворе храма. Оставив двоих часовых стеречь поклажу, остальные потянулись внутрь святилища, чтобы воздать почести великим божествам и испросить удачи в пути.

В этом храме уезда Фэй поклонялись двум божествам, олицетворявшим гармонию Инь и Ян. Иньское начало представлял женский образ — Призрачная фея, державшая в своих руках судьбы всех духов, призраков и нечисти в поднебесном мире. Янское, мужское начало воплощал Бессмертный владыка Улин, дарующий людям добрую погоду, богатый урожай и избавление от мирских невзгод.

Простые жители уезда Фэй, приходя в храм, обыкновенно склоняли головы перед Призрачной феей из суеверного страха перед потусторонним миром, тогда как к Бессмертному владыке Улину обращались с молитвами о мире и благоденствии в семьях. Совершенствующиеся тоже вольны были выбирать себе стезю. Последователи Владыки Улина верили в милосердие Небес и сострадание к живущим, следуя Пути согласия и Пути смертных. Адепты же Призрачной феи, напротив, проповедовали холодное бесстрашие, избирая для себя суровый Путь искоренения зла или Путь отречения от чувств.

Обе школы, устроившие сегодня отбор талантливых учеников — и великая школа Улин, и скромная школа Цаншань — вели свою преемственность от учения Бессмертного владыки Улина. Вот только их слава и величие различались как небо и земля. Школа Улин считалась прямым земным оплотом божества; поговаривали, будто старейшины её обитателей и пещер удаивались чести лицезреть личное явление Владыки. Школа же Цаншань существовала от

силы сотню лет, и за всё это время ни один из её учеников так и не сумел вознестись на небеса, что красноречиво свидетельствовало о немилости покровителя.

Разумеется, когда обе школы оказались бок о бок, толпа не упускала случая перемыть им косточки. На даосских мастеров из Цаншань глазели уже без прежнего благоговейного трепета, скорее с жалостью. И лишь затворник гроба, Шитоу, услышав об их «немилости», с тихим скрежетом полоснул ногтями по деревянной обшивке. От одного упоминания о том, что божество обходит эту школу стороной, он загорелся страстным желанием немедленно записаться в её верные ученики.

<http://bllate.org/book/18360/1798406>